

А. Н. Кушкова

ИГРА В КАРТЫ У РОССИЙСКИХ КРЕСТЬЯН ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА¹

*В карты стану я играть,
Проиграть готовый,
Просто чтобы искушать
Счастье-долю снова.*

Высек пламя Илмаринен 2000: 321

Как известно, многое из того, что относится к повседневности, остается «невидимым» для современников, для живущих той повседневностью — потому, что за ее привычной повторяемостью они перестают видеть то, что достойно внимания. Сторонние же наблюдатели, именно благодаря своему «внешнему» взгляду обладающие большей возможностью разглядеть уникальность «чужого обыденного», чаще ориентируются на то, что сами носители культуры способны / считают значимым им сообщить, то есть проблемное, событийное². «Исчезновение» повседневности для исследователя может быть, таким образом, связано с ее «прозрачностью» внутри самой культуры.

Подобная ситуация тем более имеет место, если эта культура по преимуществу устная, хронологически удаленная от историка, а сам концепт *повседневность*, по сути дела, отсутствует в методологическом аппарате науки изучаемой эпохи.

¹ Английский вариант статьи принят к публикации в «The Games Reader: An Introduction to Games, Game Players, and Gaming Culture» (American Cultural Studies, Bowling Green State University, Ohio, USA).

² Ср. [informant's response] «inasmuch as it is a *discourse of familiarity*, it will not mention those things that are "understood" because they are self-evident; inasmuch as it is a *discourse for an outsider*, it can only be intelligible if it excludes all references to particulars» (Bourdieu 1976: 118).

Что же тем не менее позволяет нам обратиться к проблеме карточной игры в деревне второй половины XIX века, к которой на первый взгляд должны относиться перечисленные выше ограничения? Представляется, что эта возможность возникает в связи с изменениями, происходящими в ту пору в самой сфере деревенской повседневности и, в частности, в ее рекреационном пространстве. То, что карточная игра появляется в этнографических описаниях этого времени, свидетельствует, как нам кажется, о значительности этих изменений, «проблематизировавших» повседневность до такой степени, когда современники уже не могли не обратить на нее внимание.

Иногда, впрочем, культурная реакция на расцвет карточной игры была слишком эмоциональной и, как следствие, недостаточно критической, чтобы разглядеть за ней специфику интересующей нас практики. Примером может служить следующее описание карточной игры из популярного церковного журнала: «Увлечение страстью к этой игре в настоящее время достигло необычайных размеров. Играют в городах, играют в деревнях, играют мужчины и женщины, играют миряне, играют и духовные; играют старки, играют юноши и отроки; даже младенцы, еле-еле научившиеся лепетать и не различающие права от лева, без сомнения... хорошо отличают короля от валета, пики от червей и охотнее занимаются картами, чем свойственными их возрасту другими играми» (О карточной игре 1898: 540). Не отрицая определенной ценности таких текстов, мы тем не менее во многом считаем их лишь такой же отправной точкой на этапе формулирования задачи нашей работы, как и отсутствие/скудость свидетельств о деревенской карточной игре в более ранний период.

В данной работе мы попытаемся продемонстрировать несостоятельность утверждения о том, что «распространенная в русских деревнях карточная игра не была азартной» (Игра и страсть... 1999: 198)³, и показать, что «противопоставление сельской “карточной идиллии” городскому азарту» (Лотман 1994: 160) нуждается в корректировке.

Для решения этой задачи мы попытаемся, в той мере, в какой это позволяют имеющиеся в нашем распоряжении источники, описать «социологию» игры в карты у крестьян второй половины XIX века и обратимся к следующему кругу вопросов: чем можно объяснить всплеск интереса к картам у крестьян в этот период; какими путями игра проникала в деревню и какое влияние это оказывало на ее восприятие; в чем была специ-

³ И далее по тексту: «Крестьяне, играя для развлечения “в дурака”, расплачивались не деньгами, а “по носам” — проигравший получал условное количество ударов картами по носу» (Игра и страсть... 1999: 198). Утверждение это, являющееся комментарием к литографии Добрынина «Игра по носам» (1879), выдает, на наш взгляд, недостаточное знакомство с источниками и тем более странно, что буквально через несколько страниц в этой же книге мы читаем: «...более распространенные в народной среде азартные карточные игры, не требовавшие особых навыков и мастерства, по-прежнему преследовались» (Там же: 208).

фика «новой» игры и каково ее место в структуре крестьянских занятий; состав ее участников и социальные практики, ее сопровождающие; «экономическая» сторона крестьянской игры и ее влияние на уклад деревенской жизни; отношение к карточной игре различных групп крестьянского населения.

С самого начала мы будем исходить из следующих допущений: 1) карты как таковые знали в деревне и до интересующего нас времени и, в частности, использовали в гаданиях наряду с большим количеством других гадательных предметов (см., например, Wigzell 1998: 246); 2) карточная игра также должна была быть известна крестьянам, причем наблюдать ее они могли как в деревне, так и за ее пределами. Так, карточная игра была составной частью жизни помещиков, элементом ее *идиллического антуража* (Лотман 1994: 161); существовала практика административным порядком ссылать в деревню злостных нарушителей закона об азартных играх, в связи с чем туда мог перемещаться центр карточной игры⁴; с картами могла связываться служба в армии⁵ и т. д.

Несмотря на то что нас будет интересовать именно такая, в предварительном определении «неидиллическая», игра мы не будем останавливаться на этом способе ее перенесения в деревню — и потому, что он не мог быть регулярным, и потому, что в игорную практику при этом должны были вовлекаться в основном мещане и местные чиновники (и лишь потом, возможно, крестьяне). Наиболее важным для нас будет заимствование практики карточной игры при непосредственном контакте крестьянской и городской культур, регулярная возможность которого как раз и появляется во второй половине XIX века, в пореформенный период развития деревни.

⁴Так, в нарушение указа Александра I, изданного в 1801 году и предполагавшего отдавать азартных игроков и их сообщников под суд, их «высылали только из Петербурга», что «способствовало распространению азартной игры в провинции, [где] опытные игроки на славу обдывали на ярмарках и по деревням помещиков и губернских чиновников» (Зотов 1886: 16). Ср., например, судьбу фаворита Екатерины генерала Зорича, отосланного от двора и переехавшего в Шклов (свое украинское имение), который благодаря этому «очень скоро... стал международным центром карточной игры» (Новые Васюки! — А. К.) (Парчевский 1998: 14). В известной работе Ю. М. Лотмана о карточной игре приводится список «игр, подавших просьбу о увольнении их в уезды и деревни», составленный Н. Страховым еще в 1791 году — среди них, кстати, оказывается и игра «Три листка», единодушно признаваемая самой распространенной карточной игрой крестьян второй половины XIX века (см. Лотман 1994: 138–139). В этой же работе упоминается и обыкновение продавать мещанам использованные в игре и брошенные под стол карты «для игры в дурака и подобные развлекательные игры» (Там же: 155). (Ср. из наших примеров: в одной местности «карты покупа[лись] в г. Никольске у кучеров держанья» — Потанин 1899: 41.)

⁵Ср. описание прощания с рекрутом, когда ему дают наставления о том, как надо себя вести: «Вином не запивайтесь, / Табаком, картами не занимайтесь. / Кто вином-то забавляется, / Тому служба прибавляется, / Кто картами занимается, / Дураками остается» (АКАН: Кол. 21, ед. хр. 115; Пудожский р-н; зап. 1961 г.).

Одним из главных каналов такого контакта явилось значительно развившееся именно в это время **отходничество**, о котором в основном мы и будем говорить далее. Наш выбор определяется следующими факторами: во-первых, именно в отходничестве видели главную причину «завоевания» карточной игрой деревни многие авторы имеющихся у нас текстов, а во-вторых, практика сезонных отходов крестьян в города является, на наш взгляд, наиболее репрезентативным примером массового регулярного контакта двух культур.

Хотелось бы подчеркнуть, что мы не пытаемся объяснить появление у крестьян карточных игр лишь сезонными миграциями части деревенского населения в города — хотя бы уже потому, что экономика далеко не всех губерний включала в себя отходнический элемент. Мы делаем акцент на отходничестве потому, что эта наиболее распространенная внутренняя мотивировка отвечает нашему общему пониманию механизмов трансляции культурных практик между городом и деревней в этот период.

Для начала — несколько примеров. «Весело проводят наши мужички свободное время! <...> Они собираются по вечерам в какой-нибудь хате деревенского молодца, пожившаго в Москве и заразившаго “галантерейным обращением” и веселым времяпрепровождением. Здесь они целья ночи занимаются картежной игрой» (Огонек 1897: 3); «Азартные игры занесены в Араповке лет 10-ть тому назад теми из местных парней, которые ходили на заработки (так. — А. К.) в приморские города и в станицы земли войска донского, и с тех пор вся местная молодежь сильно пристрастилась к картам» (Иванов 1907: 195) (также АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 732, с. 8а и др.). Важно при этом, однако, не только лишь убеждение в том, что «деревенская обстановка сама по себе не дает условий к развитию азартных игр» и что «корень этого явления нужно искать в условиях рабочей среды в городе» (Корреспонденции «Калужск. вест.» 1897: 3), но и отношение к самому процессу отходничества, определяющее направление заимствования этой практики.

С одной стороны, в абсолютном большинстве описаний крестьянского сезонного ухода на заработки одним из главных является мотив «отходничества как одной из причин нравственного падения деревни»: «Питерщики первые устроители деревенских кабаков... а если они с деньгами — то и первые мироеды. <...> В деревню, в среду молодёжи, они вносят брожение и рознь» (Весин 1887: 184); «Особенно неуважением отличается молодое поколение, которое большею частью отправляется на заработки на сторону, где наслушивается разных речей» (Еделево... 1891: 4)⁶. Нередко отходничество становится одним из эле-

⁶ Очевидно, не последнюю роль играло здесь и то, что отходники забывали деревенскую работу, составлявшую основу крестьянской самоидентичности (например: «В деревне... вошло в поговорку: если кто работает плохо, тому прямо говорят, что “ты работаешь как фабричный!”», или “эх ты, фабричный!”» (Семенов 1915: 12–13).

ментов противопоставления «*раньше — теперь*», как «антихристово дело», приближающее наступление «последних времен» (Златовратский 1897: 137) (см. также Старый курган 1900: 412; Златовратский 1897: 121) и мн. др.

Однако, на наш взгляд, у этого стереотипа должна была быть и обратная сторона, по тем или иным причинам не так часто попадавшая в описания крестьянского быта: отходничество, по крайней мере для определенной части крестьянского населения, начинает восприниматься как престижное занятие, позволяющее не только быстро заработать деньги, но и повысить свой статус в деревне (см., например, Жбанков 1891: 24–25, 75).

Именно тем, что односельчане могли смотреть на вернувшихся из города «*как на людей, стоящих выше их, много выдавших и достойных подражания*» (Корреспонденции «Калужск. вест.» 1897: 3), объясняется то, что приносимые ими из города привычки — будь то городская одежда, манера общения или разнообразные рекреационные практики — быстро приживались в деревне.

Отношение к отходничеству важно для нас не только потому, что позволяет объяснить саму возможность трансляции новых практик из города в деревню, но еще и потому что философия отходничества кажется нам в некотором смысле сходной с философией карточной игры. Перспектива быстрого или, по крайней мере, более быстрого, чем обычно, обогащения, возможность пожить в непривычной городской обстановке и испытать себя в новом деле — за всем этим, как нам кажется, стоит взгляд на окружающую действительность как игру обстоятельств, в которой кому-то «повезет», а от кого-то «удача», наоборот, отвернется⁷. Эта новая философия случайности (Лотман 1994: 143), во многом предопределенная структурными изменениями всего уклада деревенской жизни после освобождения, позволяет, на наш взгляд, видеть внутреннее сходство между практиками отходничества и карточной игры, какими бы различными они в целом ни были.

Как мы покажем далее, «престижность» отходничества во многом переносилась и во внутреннюю структуру самой деревенской игры, что в первую очередь сказывалось на характере состава ее участников (*мужчины vs женщины, деревенские власти vs «обычные» крестьяне, молодые vs старые, богатые vs бедняки* и т. д.). Пока же хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в ситуации непосредственного контакта сельской и городской культур происходило неизбежное взаимо-

⁷ Ср. выражение, появляющееся, видимо, именно в то время: *выйти на линию*, то есть разбогатеть, «выйти в люди», что становится в это время *заветной мечтой* для многих крестьян (Энгельгардт 1999: 260, 274–275). Можно вспомнить также появление «новых кулаков», скупавших свободно продававшуюся после реформы землю, неизбежное в связи с этим имущественное расслоение крестьян и столь же неизбежный при этом дух конкуренции.

проникновение и заимствование различных практик и именно представление о «престижности» определяло предпочтение одних практик другим.

Одним из допущений, сделанных в начале нашей работы, было то, что карточная игра должна была существовать в деревне и до начавшихся после реформы социальных изменений в деревне. Упоминаний об этой игре немного, однако то, что нам удалось найти, может помочь понять природу той «новой» игры в карты, которая нас интересует. Вот несколько примеров: весной, с Пасхи до Дня Всех Святых, «молодежь и малые дети играют в кости, в мячик, в карты, а девушки поют песни или катают мячиком в яйца... собираются в разные избы, [где] девицы проигрывают в карты своим подругам яйца, а молодежь — свои бабки, или кости» (Архангельский 1854: 34), «прежняя молодежь вела себя в это время (то есть на Пасху, в зимние праздники и пр. — А. К.) очень просто: собиралась где-нибудь на горе и каталась на санках... когда же кататься надоедало — молодежь уходила в избушку и играла в карты, в короли, в акульки, в загадки и отгадки» (Ту-Эсь 1910: 3). Обратим внимание на то, что составляет ассоциативное поле *карт* в этих контекстах: это *посещение соседей, катание яиц, игра в мяч, пение песен, катание с горки и на качелях* и пр.

Перед нами то, что можно назвать *игрой для забавы и отдыха*, которая, очевидно, была достаточно распространена в деревне и способствовала созданию стереотипа «сельской карточной идиллии» (см. Лотман 1994: 160). Именно этот стереотип часто не позволяет увидеть то, что по контрасту можно назвать играми «серьезными», этой «*сравнительно недавн[ей] болезн[ю]*», «*проник[шей] в народ*» (Три язвы... 1895: 53)⁸.

Каковы были «симптомы» этой болезни? Начнем с нескольких примеров: «Страсть эта (то есть карточная игра. — А. К.) повседневно свирепствует в окрестностях и Никольска»; игроки «ставят на кон вещи, все более и более для них дорога» (Потанин 1899: 41); [мужики] «целые ночи занимаются картежной игрой. Режутся не на живот, а на смерть. Многие... проигрывают здесь последние гроши. Между делом не мало истребляется водки: как же не выпить? Вино — постоянный спутник

⁸ Противопоставление подобных «развлекательных» игр играм «серьезным», или азартным, очень важно для понимания феномена карточной игры, будь то игра деревенская или городская. Так, уже Екатерина II в «Уставе Благочиния» постановляет: «игры домашнія и игрища, поелику в оныя не входит беззаконіе или противное узаконенію, полиція не запрещает» (цит. по: Брокгауз, Ефрон 1890/1: 204). В упоминавшемся выше указе Александра I «запрещение участвовать в азартных играх и способствовать оным сопровожда[лось] оговоркою о непризнании проступком игры, служившей игроку забавой или отдохновением посреди своей семьи или с друзьями» (Зотов 1886: 17). Ряд примеров именно такой игры, получившей, с некоторым оттенком уничижительности, определение «детской», приводит в своей работе Ю. М. Лотман (Лотман 1994: 160–161).

карт!» (Огонек 1897: 3); [часть парней на вечеринках] «не занимаются и с девушками, а, отойдя, в уголку расположатся за особыми столами и дуются в карты. Играют в подобие городской железки — в двадцать одну. Ставят последние пятаки, плутуют, подменивают карты. Часто дело доходит до драки. Потом опять играют... А к концу святок матери некоторых из таких франтов идут к богатым соседям и Христом-Богом выпрашивают у них на обратную дорогу своему чадушке...» (Ту-Эсь 1910: 4). Речь, очевидно, идет об азартной игре, во время которой проигрываются значительные для крестьян деньги, пьется водка, случаются драки и происходит мошенничество; «ассоциативное поле» такой игры очень разнится от «мячиков, загадок и качелей», сопровождавших карточную игру «для забавы».

Более того, «удельный вес» этих «сопровождающих» азартную игру практик гораздо более велик, чем в случае игры для развлечения. Часто именно на эти общественно порицаемые или даже (полу)криминальные виды деятельности, условие для которых она создает, переносится акцент в многочисленных текстах против карточной игры⁹.

Необходимо сказать несколько слов о том, в каком смысле мы употребляем определение *азартная игра* в отношении крестьян.

В языке XIX века определение «азартные» относится к таким играм, «результат которых... исключительно или главным образом зависит от случая, а не от ловкости или искусства игроков» (Брокгауз, Ефрон 1890/1: 203), что противопоставляет азартные игры так называемым играм «коммерческим», построенным на расчете. Определяющим для этого разделения оказывается, таким образом, в первую очередь фактор случайности (фр. *hazard, jeux de hazard*), а не эмоционального отношения к игре/во время игры (ср. «азартъ, фрн. задоръ, вспыль, вспыхъ, горячность, запальчивость»; Даль 1998/1: 17).

История азартных игр, причем не только в России, представляет собой бесчисленный ряд ограничений, запрещений и преследований (см., например, Зотов 1886: 1–19, 357–370 и мн. др.), в то время как игры коммерческие обычно разрешались, хотя это разрешение могло относиться лишь к «знатым дворянским домам» (Брокгауз, Ефрон 1890/1: 204)¹⁰.

⁹ В более широком смысле можно говорить о континууме «общественно-вредных» видов деятельности, элементы которого часто связаны друг с другом на уровне практики, а в описаниях — на уровне сюжета (например, *ссоры — драки — убийства — мошенничество — карты — воровство — пьянство — разврат — сквернословие — грех* и т. п.). Именно поэтому в описаниях того или иного «социального порока», как правило, упоминаются и другие, что позволяет усилить «морализаторский» эффект текста.

¹⁰ Впрочем, в некоторые периоды русской истории и азартные игры «поощрялись» в придворном кругу — притом что одновременно предпринимались попытки «сугубо полицейскими средствами отбить охоту у подданных следовать дурному монаршему примеру» (Парчевский 1998: 11).

Если городскую карточную игру можно разделить на три категории — азартную, для забавы и коммерческую¹¹, то что в этом смысле можно сказать об игре крестьянской?

Как следует из описаний, наиболее распространенной игрой у крестьян была игра «в три листика» (Огонек 1897: 3; АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 11, с. 4б; ф. 7, оп. 1, д. 295, с. 21; ф. 7, оп. 1, д. 299, с. 3б; ф. 7, оп. 1, д. 803, с. 19), цель которой заключалась в подборе трех карт одной масти (для этого ненужные карты передавались партнерам, а выигрывал тот, кто подбирал масть быстрее других). Трудно соотнести подобную игру с понятием *интеллектуальной дуэли* (Лотман 1994: 140), где, помимо прочего, требовалось умение (быстро) считать — вряд ли самый распространенный крестьянский навык. У нас есть лишь один пример достаточно сложной игры, предполагающей построение игроками некоторой стратегии, расчета: «За самое последнее время чрезвычайно развилась игра в “двадцать одно”, заключающаяся в том, что один закладывает банк, а другие берут от него карты, стараются не перебить 21. Если кто “перекрутится”, тот уже проиграл в банк... [Набравший нужную сумму очков] открывает карты и отбирает деньги от тех, у кого сумма очков меньше, чем у него; остальные получают из банка по столько, на какую сумму прикупали карты. Банкомет имеет право прекратить игру [исправлено: снять банк] лишь тогда, [когда] продаст карты еще раз после утройки заложенной в банке суммы. В это время стараются банк “сорвать”, покупая на сравнительно крупные суммы» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 332, с. 8а–8б). Однако это исключение, как нам кажется, лишь подтверждает наш общий вывод — говорить о коммерческих играх у крестьян, в той мере, в какой расчет определяет семантику этого понятия, скорее всего, нельзя. В том же смысле, что коммерческие игры не предполагают, в отличие от азартных, материальной заинтересованности, они могут, конечно, быть сопоставимы с играми для забавы, однако проблематичность первой составляющей, то есть расчета, в крестьянских карточных играх ставит под большой вопрос саму возможность их выделения¹².

¹¹ Это разделение достаточно условно — и потому, что игры коммерческие и для забавы, поскольку в них не преследуется цель обогащения, достаточно близки друг к другу, и потому, что, по свидетельству многих современников, вплоть до конца XIX в. «различие между коммерческими и азартными играми в законодательстве не выяснено» (Брокгауз, Ефрон 1895/16 А: 631). Различные игры переводились из одной категории в другую, и вся система, таким образом, была в постоянном движении. «Различие игр азартных и коммерческих не выяснено. Запрещены были постепенно — рамс, макао, но стучолка запрещению не подвергалась» (Зотов 1886: 18).

¹² Лишь в одном из наших текстов встречается список карточных игр крестьян в Малороссии; у нас нет более подробных описаний правил этих игр, но их названия вряд ли допускают предположение об их интеллектуальном характере: «1) Лава, 2) Кобыла, 3) Чмьх, 4) Колодезь, 5) Дурак: а) простой б) невинный и в) пидкидный, 6) Хвылька, 7) Свиня, 8) Видьма, 9) Пьяница, 10) Зивака, 11) Мельник, 12) Кулына, 13) Городок, 14) Король, 15) Возок или в своего козыря, 16) В носка, 17) Трилист, 18) Заборона или пятак, 19) Шленки или окружной, 20) Хрысть, 21) Пятыфиль» (Иванов 1907: 195–196).

Таким образом, если типологию городской игры составляют игры коммерческие, развлекательные и азартные, то в деревне, на наш взгляд, преобладают лишь два последних вида карточной игры¹³, из которых нас будут в основном интересовать именно азартные¹⁴.

Поскольку, как было сказано выше, возможность быстрого обогащения, срывания куша, мы рассматриваем как определяющую черту «новой» карточной игры в деревне, начнем с ее экономической стороны. Мотив прибыли действительно часто встречается в наших описаниях; импульсом к игре нередко называется желание «без труда нажить несколько рублей» (Огонек 1897: 3). Каково могло быть отношение выигранных денег к крестьянскому бюджету? В «Сопсвенном (так. — А. К.) сочинении Ивана Яковлева Барскаго» (тексте, написанном крестьянином, — редкий случай!) приводится пример мужика, который «се[л] играть с 20 к. в кармане, [и] был в выигрыше в 20 рублей» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 732, с. 86); в другом случае «бедняк игрок из дер. Сокольников в два вечера выиграл 67 р., купил избу на эти деньги, овса для семян и нанял для обработки земли своего соседа. На этом он остановился и больше не играет» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 803, с. 18а–18б). Последний пример, однако, назван «почти единичным» — видимо, и в смысле размера выигрыша, и потому, что, получив его, крестьянин перестает играть. Абсолютное же большинство имеющихся у нас текстов свидетельствуют о такой степени вовлеченности в игру, при которой игрок не только не может выйти из нее, но и вынужден делать все новые и новые ставки.

Этим, скорее всего, объясняется то, что мотив обогащения в наших текстах обычно вытесняется противоположным ему мотивом «проиграть»

¹³ Интересно, что разделение на «невинные» и «предосудительные» может относиться и к сфере гаданий, что, впрочем, скорее всего должно было относиться к городской культуре: «Когда в веселом кругу молодых людей мы видим перебрасывание картами, сопровождаемое шутивными и остроумными толкованиями, такое гадание нужно отнести к... невинным забавам и развлечениям, служащим только для препровождения времени. <...> Совсем другое нужно сказать про те случаи, когда в гадании человеком начинает руководить тот же дух незаконного любопытства, какой руководил людьми в древних гаданиях (по звездам, по воску и олову, по ячменю и бобам и под.), когда человек в гадании по картам суеверно доискивается разрешения заветных для него тайн» (В. М-ий 1898: 13). Последнее, пишет автор, не только наносит «нравственный вред», но и является грехом волхования: «в законе Моисеевом волхование сравнивается с богохульством, а в правилах св. Василия Великаго — с человекоубийством» (Там же: 14).

На наш взгляд, именно азартные игры по своей философии наиболее близки к гаданиям, так как определяющим фактором в них является случайность выпадения/получения той или иной карты. При этом семантика случайности в гадании более сложна, и включает не только прагматическую/программирующую составляющую (что означает для гадающего выпадение именно этой карты?), но и собственно семиотическую (чем обусловлено выпадение именно этой карты?).

¹⁴ Вероятно, именно значение случайности, «независимого от человеческой воли выпадения» объединяло семантику карт и жребия; этим, возможно, объясняется то, что в Саратовской губернии вытянутые при жеребьевке участки земли назывались *картами* и *шапками* (в шапках эти жребии трясли) (Головин 1887: 44).

ся до последней нитки», что, кроме того, могло соотноситься с прагматической направленностью текстов. «Один крестьянин в один вечер проиграл все платье с себя, самовар, корову, двух овец. <...> [Другой] мужик из дер. Даниловской все лето пас коров. Осенью получил расчет и деньги 40 р. Придя домой, он в один вечер все спустил» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 803, с. 18а); «Один из... охотников до карт продал свой амбарчик, а когда и этого оказалось недостаточным, то спустил единственную лошадку» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1277. С. 110); «...в селе Меловом... крестьяне нередко проигрывают свою скотину, одежду, землю (на посев или на два), луг (на снимки)¹⁵ и т. п.» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 908, с. 32; см. также Захарова 1916: 36; АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1277, с. 110 и мн. др.)¹⁶.

Мотив экономического ущерба, наносимого крестьянскому хозяйству от картежной игры, можно сравнить с «дворянским» мотивом *проигрывать баснословные суммы*, хотя крестьянские ставки (как в абсолютном денежном выражении, так и в смысле своеобразия тех предметов, на которые могла вестись игра) сильно разнились от ставок в «благородном обществе». Впрочем, для определения самого характера игры это различие не представляется существенным: помимо элемента случайности азартную игру определяет то, что «в виде ставки является предмет, к выигрышу или проигрышу которого участвующие в игре по своим средствам не могут отнестись безразлично» (Брокгауз, Ефрон 1890/1: 203), — это, несомненно, имело место в обеих ситуациях¹⁷.

¹⁵ То есть выигравший получает право «снимать» траву с луга проигравшего.

¹⁶ Поскольку процесс «проигрыша-выигрыша» является взаимонаправленным, мы в принципе говорим здесь просто об обратной стороне того же самого явления. В качестве подтверждения этой мысли можно привести дидактический текст о том, что «игра — это взаимное обкрадывание»; «игрок проигрывающий отнимает (крадет) у своей семьи средства жизни, выигрывающий отнимает эти средства у другого» (Три язвы... 1895: 55). Однако в большинстве текстов акцент делается именно на ущерб, наносимый картежной игрой.

¹⁷ В связи с этим хотелось бы привести один любопытный пример. [На гулянках одни парни пляшут под гармонику, другие любезничают с девками], «третьи — в банях проигрывают в хлюст не только деньги, но и окрестные деревни... В проигранных деревнях они обязаны или сами собрать “куски” хлеба на договоренную сумму в пользу счастливого игрока, или просто уступить ему на известное время эти деревни и самим уже не ходить туда с торбой за сбором» (Фаресов 1906: 54–55; также 51–53). Сам текст этого отрывка построен так, что невольно вызывает ассоциации с тем, как помещики проигрывали в карты целые деревни со своими крепостным. Иронический эффект, возникающий в следующем предложении, не должен тем не менее создавать впечатления, что парни играли «на ерунду», поскольку собирание кусков по деревням, очевидно, было для них экономически важно и, следовательно, потеря этой возможности была ощутима. Недаром говорили, что «*карты слезы любят*» (Там же: 50).

Что касается нищенства как такового, карты могли быть дополнительным рычагом «механизма перераспределения продуктов» среди беднейших групп населения и «привлечения нищих в бедные дома». «Рассказывают, что нищий Тумба, странствовавший на той же Кокшеньге, специально “проигрывал” в карты собранное хозяевам избы, где его принимали на ночлег» (Щепанская 1995: 138–139).

Акцент на значительных проигрышах является и косвенным подтверждением азартности крестьянской игры в первом значении этого слова (то есть эмоционального вовлечения, страсти): только таким азартом можно объяснить проигрыш лошадей и амбаров теми, кто обычно начинает играть «очень осторожно» и чьи «ставки редко превышают 10 копеек» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 295, с. 21).

Представление о том, что «крестьяне не играют на деньги» (см. выше), было, по-видимому, обусловлено тем, что у многих действительно не было «лишних денег», то есть таких, которые можно было изъять из семейного бюджета и потратить на игру, даже если она обещала возможный выигрыш¹⁸. В такой ситуации, действительно, крестьяне часто вынуждены были играть на какие-либо символические предметы (спички, семечки), однако это не является, на наш взгляд, «снижением» игры до уровня простой забавы, а является лишь следствием особой структуры бюджета крестьян и их «жизненного уровня»¹⁹.

Нередко те из крестьян, кто не мог позволить себе игру, прибегали к **воровству**, которое именно поэтому является частой темой в описаниях карточной игры. В частности, это было домашнее воровство: [когда у игроков кончаются деньги], «мужья тащут у своих баб яйца и отрезки холста. Все это продается за безценок предприимчивому благодетелю целовальнику» (Огонек 1897: 3); другие «заскользают куда-нибудь в чужую горницу или в амбар, крадут холсты, наряд и несут в тайные кабаки (тайком торгуют недалеко от волости), продают за самую дешевую цену»; «крадут деньги дома, так как бабы деньги зашивают в одежду, в паневу, а на ночь эти вещи снявши, кладут их под голову, мужики, пришедши домой в полночь, выдергивают из-под голов и уходят в сени, где, взявши деньги, вещь бросают, сами же отправляются в клуб играть. Некоторые же бабы берегут деньги в погребе в бутылке... бутылку зарывают в землю и заставляют кадкой; парни... из клуба идут в погреб разжиться деньгами, но такой способ не всегда удается, вдруг старуха... из бутылки перепрятала в баночку и зарыла ее в картофель» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1148, с. 2). Таким образом, важно не только то, что игра могла вестись за счет семейного бюджета, но и то, что в семье могло возникнуть ответное сопротивление стратегиям отдельных ее членов. Осо-

¹⁸ Именно здесь уместно снова вспомнить отходников, доходы которых хотя и должны были поступать в семейный бюджет, тем не менее не могли быть столь жестко контролируемы, как те, что получала живущая в деревне крестьянская семья. Иной у отходников должна была быть и «структура потребления», куда непременно входила и статья на развлечения, — очень характерными в этом смысле являлись приносимые ими в деревню частушки (например, «Продам лошадь, продам дом, // Куплю милке граммофон»; Ту-Эсь 1910: 4).

¹⁹ Ср.: «Играют преимущественно в азартные игры на деньги, а за неимением последних на сернички (спички) или тыквенные и подсолнечные семена (все же интерес)» (Иванов 1907: 196); играют «под баранки» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 908, с. 32), «в орехи» (Потанин 1899: 42) и т. п.

бенно это проявлялось в тех случаях, когда играл тот, кто одновременно имел непосредственный доступ к семейным деньгам²⁰. Бывало и так, что кто-либо из членов семьи помогал игроку получить доступ к семейным ресурсам, что, как правило, кончалось домашней ссорой: «третий тип ссоры — мужа с женой. Ссоры этого типа бывают... из-за детей. Напр., сын играет в карты; мать потворствует ему, дает ему тайком от отца деньги; отец узнает, и, конечно, между родителями (муж и жена) происходят ссоры, а порой и драки» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 551, с. 28).

Денежные расходы, с которыми неизбежно была связана игра, создавали ситуацию «имущественного ценза»: игроками могли становиться лишь относительно состоятельные крестьяне, тем же, кто победнее, не только приходилось играть на «суррогаты» денег, но и часто довольствоваться лишь ролью наблюдателей за чужой игрой. «Народ, т. е. толпа в азартные игры не играют. Практикуются денежная игра “в стучолку” только среди крестьян-богачей. <...> В нашем районе играют... волостной старшина, писарь, крестьянин Никитин, бывший член земской управы Федор Толченов, Кисляков и еще человек 4–5, фельдшер и урядник» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 11, с. 46); «В праздники почти во всех деревнях, где живет крестьянин побогаче, особенно промышляющий лесом, идет азартная игра, привлекающая тех, у кого копошатся в карманах деньги» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 732, с. 86–9а); «С грустью приходится смотреть, как в праздники молодые парни из более или менее зажиточных семей по целым дням, а зимою и по целым ночам просиживают за картами...» (Иванов 1907: 195); «Играют только некоторые, большая же часть только смотрит на играющих» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 295, с. 21). Азартная карточная игра в деревне являлась, таким образом, «элитной практикой», что, как мы покажем далее, имело непосредственное отношение к тому, насколько соблюдались официальные постановления о ее запрещении²¹.

Следует в этой связи сказать еще несколько слов о составе участников карточной игры в деревне. Кроме того, что это были люди более или менее состоятельные, можно говорить и о возрастном цензе игроков. Как отмечается во многих текстах, играли в основном молодые (что также может быть связано с отходничеством: это могли быть либо сами уходившие на заработки парни, либо те, с кем у них происходил наиболее тесный контакт по возвращении). «Картежная игра у наших мужиков еще не развита, зато между молодежью она почти сделалась потреб-

²⁰ При наличии большего количества материалов эта ситуация могла бы послужить хорошим примером адаптационной стратегии семейного выживания (ср., например, Fontaine and Schlumbohm 2000: 7).

²¹ Притом что участие в игре могло, таким образом, изначально предполагать определенную социальную дифференциацию (в первую очередь имущественную, а, возможно, и статусную), внутри самой игры создавалась ситуация относительного равенства — в смысле одинаковой возможности выигрыша/проигрыша для каждого. Ср. «В игре, что в бане (все равны)» (Даль 1998/2: 7).

ностью» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 299, с. 36); [картами] «не увлекутся может быть старики, но молодежь, падкая до новизны, во всяком случае» (Корреспонденции «Калужск. вест.» 1897: 3) и т. п.

Можно предположить, что старшее поколение в меньшей степени могло воспринимать саму возможность вдруг обогатиться, сорвать куш, одновременно увеличить «долю», — это, помимо прочего, могло быть связано с необходимостью изменения привычного (традиционного) уклада жизни и, в частности, влекло за собой модификацию структуры крестьянской экономической деятельности. Кроме того, именно у старшего поколения могли быть более сильны представления о греховности карточной игры. Во-первых, с грехом могло связываться и само происхождение карт²². Во-вторых, за игру в карты полагалось вполне определенное наказание на том свете²³. В-третьих, сама игра могла мыслиться в эсхатологической парадигме — как то, что приближает конец света²⁴. В фольклоре карточная игра может быть типичным времяпровождением нечистой силы: «*водяные и нечистые духи любят собираться в шинках и проводить время в попойках, играя в кости и карты*» (Афанасьев 1995: 123); играют они обычно на лесное зверье, рыбу и пр., чем и объясняется внезапное исчезновение или появление ее в лесах и водоемах: «в 1843 г. в лесах Варнавинского и Ветлужского уездов вдруг показалось огромное количество ходовых белок; тамошние мужики говорили, что белок гонит леший из Вятской губ. в Вологодскую; а другие прибавляли, что один леший проиграл своих белок в карты другому лешему и потому перегоняет их из своего владения в чужое. Те же объяснения даются и в других местностях» (Там же: 173); «...о водяниках Кончозерском и Пертозерском рассказывают, что они, как соседи, играли в карты... и

²² «Смотрящие на игру в карты, как на греховное дела (так. — А. К.), говорят, что карты выдуманы жидами и что Иуда предал Христа потому, что любил играть в карты. «Идет Иуда поздно вечером по улице и видит через окно, жида сидят в хате и играют в карты. Остановился он посмотреть на играющих, а те начали спорить, кричать и браниться. Заметив же человека перед окном, выбежали из комнаты, схватили его и стали допрашивать: кто он и зачем подсматривает. Иуда назвал себя, сказал, что он ученик Иисуса, а остановился посмотреть потому, что сам любит играть в карты. Жида, услышав от Иуды, что он любит карты, вывели заключение, что он должен любить и деньги, поэтому тотчас предложили ему 30 серебряников за выдачу им Иисуса Христа. Иуда согласился предать своего Учителя, так как пред тем он проиграл все бывшие у него деньги а теперь рассчитывал за 30 серебряников отыграться. (От кр. Ольги Доценко)» (Иванов 1907: 195–196). Ассоциация карт с «иноэтническим» также сохраняется в сегодняшней деревне; так, во время Святочного ряжения непременным атрибутом костюма цыган являются именно карты: Соб.: [Как рядились на святки]. Инф.: Переодевались цыганами... ходили по деревне... копировали цыган всё... платки повяжем, как цыганки... возьмем карты там... дурили... выпрашивали... (ЕУ–хвойн–97, ПФ–40; ГНК).

²³ «Кто в карты играл, тому черти в ладоши иглы вбивают» (Виноградов 1923: 57).

²⁴ Ср., например, слова деревенской нищенки-юродивой, обращенной к игрокам: «Христа в хлюст проигрываете! Вот отчего у нас и хлебец не родится... Собираем Божьим именем хлебные куски, да в карты проигрываем» (Фаресов 1906: 52).

первый выиграл у последнего всю ряпушку; с тех пор рыба эта перестала ловиться в Пертозере» (Там же: 126). Карточная игра могла быть одной из ситуаций контакта между людьми и нечистой силой: «...и он [леший] стал ходить в карты играть. ...А они все лешего вспоминают, матерятся. А он не сказывается, хохочет: ему это на руку...» (Вятский фольклор 1996: 25). Нередко в игре разрешается сюжетный конфликт текста, например, когда герой предлагает черту сыграть на «девицу, которую утащили черти и мучат в тереме» (Зеленин 1997: 348). В сказке «Иван, купеческий сын, и его невеста-волшебница» дочь морского царя Марфа Токмановна трижды подряд обыгрывает трех приказчиков (Там же: 263). В сказке «Солдат и смерть» игру в карты предлагает кикимора, однако игры не происходит, так как солдат выбирает играть крестями: «крести на тебя надену». Даже притом что карты — занятие «нечисти», эта масть, по сходству с крестом, имеет над ней магическую силу (Там же: 182). Однако среди прочих услуг, которые может оказывать нечисть человеку, может быть и удача в картах, ср. финский мотив «*Devil as benefactor — helps out in daily chores, advises those in need, card players, etc.*» (Jauhainen 1998, E 1098).

Хотелось бы отметить еще одну значимую особенность. Игры вообще, и карточные игры в частности, обычно относят к рекреационной сфере культуры, в первую очередь к контексту праздника, праздничных дней. Действительно, такая привязка сохраняется в части описаний крестьянской карточной игры: «в карты играют каждое воскресенье» (Потанин 1899: 41); «после обедни... — в праздник, — проводив священника, усаживает нетерпеливых гостей за зеленый стол²⁵, и они, наскоро глотая рюмки “казенной”, до утра продолжают игру, часто не позволяя хозяину даже накрыть стол для ужина, чтобы не прерывать занятия» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 732, с. 9а); «с декабря и до масляной недели» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1148, с. 3); «на Масляной и на святках, а также на Святой (на Пасхе) крестьяне собираются по хатам и играют в карты» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 908, с. 31); в некоторых традициях карточная игра считалась обычным развлечением «со дня Пасхи до дня Всех Святых» (Архангельский 1854: 34) и т. п.²⁶

²⁵ Видимо, дань языковой конвенции.

²⁶ Именно к Пасхе относится и связанная с картами «магия удачи»: «Чтобы счастливо играть в карты, нужно пойти на Пасху к утрени, и когда священник скажет в первый раз: “Христос воскресел!”, то надо поторопиться съесть червонного валета; когда скажет второй раз — надо съесть короля пикового, а после третьего раза — даму бубновую» (Харламов 1904: 19). Одним из многочисленных способов узнавания ведьмы было то, что на пасхальный возглас священника «Христос воскресел!» она отвечает: «У меня в кармани карта» (Иванов 1890: 160–161). Интересно, что в последнем случае мы имеем дело, так сказать, с «чистой семантикой» карты как таковой, то есть любой карты вообще, не вписанной в двойную иерархию фигур и мастей в контексте карточной игры и не связываемой с каким-либо определенным значением в практике гаданий.

Однако из подавляющего большинства текстов можно сделать вывод о том, что приуроченность крестьянской карточной игры к празднику значительно ослабевает и что она начинает переноситься в повседневный контекст: «Зараза проникла и дальше... играют не только в праздники, но и в будни» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 732, с. 9а). Один из корреспондентов Тенишевского бюро, деревенский учитель, пытается даже построить своеобразную типологию крестьянских обществ в зависимости от того, как в каждом из них проводят свободное время. В отдельную группу он выделяет «крестьян, которые не только каждый свободный день, а каждый досужий час проводят за картежной игрой» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 803, с. 14). Положение дел в таких деревнях представляется автору более печальным, а времяпровождение — более «бесцельным», чем даже там, где «общинная жизнь развита слабо». Карты, по его утверждению, фактически становятся здесь центром социальной жизни в масштабе всего крестьянского общества: «Если соберутся когда крестьяне таких деревень на сходку, то единственной темой их разговора является картежная игра. Пойдут рассказы, кто сколько выиграл, проиграл, кто ловко сходил карточкой и выиграл на пустую» (Там же: 186). Даже если сделать поправку на некоторую гиперболлизацию существовавшего положения вещей, вызванную «справедливым возмущением» местного просветителя, то все равно придется признать, что карточная игра не только перестает восприниматься как элемент праздника, но и постепенно становится атрибутом свободного времяпровождения вообще²⁷. Именно об этом, на наш взгляд, свидетельствует наличие особого приветствия, которое произносил входящий, если в доме в этот момент играли в карты: «Игра на карты!» (Загадки, приветствия... 1903: 487)²⁸.

²⁷ Вообще, можно предположить, что в это время происходит некоторое размывание границ «праздничного» и «повседневного», — в частности, в том, что касается уже упоминавшихся выше контактов городского и деревенского населения. То, что с течением времени частота таких контактов, особенно со стороны города, возрастала, должно было лишить их прежней «событийности». В первую очередь это должно было происходить в областях, находящихся в непосредственной близости от больших городов. «С распространением железных дорог вокруг Москвы стало заметно, как московская молодежь, т. е. деревенские парни, живущие в Москве, начали гораздо чаще появляться в деревнях. Прежде, когда дорог было меньше, москвичи навещали деревню на Пасху, на покос, в зимние праздники встречались одиночки, — теперь же и зимой молодежь появляется в деревне целыми толпами» (Ту-Эсь 1910: 3).

²⁸ Примечательно, что большинство других формул приветствия в основном связаны с различными производственными практиками — «с работающими: “Бог на помощь! Бог помочь! Помогай Бог!”, с рыболовом: “Лов на рыбу!”, при входе в лавку: “Бог за товаром!”, когда квашню месят: “Спорынья в квашню!”, когда коров доят: “Море под коровой!”, со стирающими: “Беленько вам!”». Существовало и несколько формул приветствия для сидящих за трапезой (в одном случае фактически ритуальный диалог), а также приветствие при встрече в пути: «с чаепийцами: “Чай да сахар!”, с обедающими: “Хлеб да соль!” “Хлеба кушать”, отвечают; с прохожим: “Бог по пути! Путем-дорогою!”» (Загадки, приветствия... 1903: 487). Удача в карточной игре, таким образом, считалась не менее важной, чем в любом из перечисленных видов занятий.

Подтверждением того, что карты «покидают» праздничный контекст, может служить и пример вытеснения одной игральной практики другой, с одновременным сохранением элемента старой игры в качестве праздничного атрибута: «Старики не помнят, когда началась игра — всегда так было, только вместо карт играли в л о д ы ж к и. Теперь лодыжки утратили своё прежнее значение и превратились в деньги; ими расплачиваются во время игры в карты. Замечательно, что в карты играют каждое воскресенье, но всегда расплачиваются деньгами, лодыжки же употребляются вместо денег только один раз в году, именно во время святок» (Потанин 1899: 41). Доказательством того, что карточная игра обретает статус игры повседневной, является «цитация» старой игры в лодыжки в контексте праздника, то есть отмеченного времени, противопоставленного повседневности.

Переходом из праздничного в повседневный контекст не исчерпываются те изменения, которые происходят с практикой деревенской карточной игры. Ряд примеров позволяет предположить, что иногда ее влияние могла испытывать на себе даже трудовая, или производительная, сфера крестьянской жизни: «Играют целую ночь на воскресенье, днем, а иногда и понедельник прихватывают. А то и так бывает: пойдут в кузницу ковать гвозди и карты с собою берут. За завтраком присядут “разик перекинуться” да и горн забудут. Бабы ждут, ждут и идут звать. ...Приходят в кузницу, а те [мужики] в карты дуются» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 803, с. 18а); «карты, к которым здешние мужики до того пристрастились, что бросают всякую работу и проводят дни и ночи напролет в лавочках-клубах» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1277, с. 110); [мужики] «с вечера уходят играть и до самого утра, день спят, а кто пьянствует, забывают даже про скот домашний» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1148, с. 3). Подобные примеры нарушений дневного цикла крестьянских работ позволяют представить трехступенчатую динамику развития карточной игры: из сферы праздничной — в сферу повседневную, с возможным вторжением в сферу трудовую, производительную. Таким образом, карточная игра могла оказывать на экономическую сторону крестьянской жизни гораздо большее влияние, не ограничивающееся лишь ее непосредственными финансовыми последствиями (проигрышами и выигрышами) или даже посягновением на семейный/соседский бюджет²⁹.

²⁹ В этой связи хотелось бы упомянуть единственное известное нам ограничение на карточную игру, связанное как раз с производственной сферой крестьянской жизни: «...не советуют играть в карты весной и летом, когда хлеб еще на корню, потому что во время игры (которая б. ч. идет сидя прямо на земле) карты прибиваются, прикрываются сверху, то, мол, и хлеб в поле будет прибит к земле» (Иванов 1907: 196). Данное представление, очевидно, основано на прямом переносе: образ действия при игре в карты «моделирует» нежелательную ситуацию на поле — тем более, что именно на нем она и могла происходить. Впрочем, ограничение это скорее всего было локальным и, как следует из самого текста, не носило императивного характера.

Есть и примеры того, как карточная игра нарушала общий ритм жизнедеятельности крестьянской семьи вообще, что хотя и не напрямую, но также могло влиять на домашнюю экономику. Так, проигравшиеся игроки могли уходить в «прочку»³⁰, что создавало неприятности для семьи, в том числе и на достаточно длительный период: «Некоторые парни, получив от матери 1 руб., чтобы отдать долг кому-нибудь, проигрывают их в клубе, после чего боятся показаться домой, ночуют в сенном сарае или в риге в самые лютые морозы; после долгих поисков наконец их находят полуокоченевшими, приходится оттирать их снегом и долго лечить» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1148, с. 2–3); «...мужики и парни, если их добровольно не пускают родители в клуб, то они ночью поднимаются и уходят, раздевшись и без шапок; надеясь в скором времени возвратиться, даже за собою не затворяют дверей, чтобы не разбудить стучком своим семью, наигравшись приходят опять домой и, как нигде не были, ложатся спать; иные же заигрываются до утра, забыв, что двери настежь оставил, вследствие чего много бывает покраж» (Там же: 3) и т. п.

В имеющихся у нас текстах особо отмечается ситуация, когда крестьяне играют в карты вместо того, чтобы идти в церковь. То, что карточная игра «посягает на самое святое», вызывало возмущение не только у священников, но и просто у «благочестивых прихожан»: «Порицания со стороны обыкновенных крестьян по поводу карточной игры, особенно если игра происходит... во время богослужений, слышны и довольно сильные» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 11, с. 5а). Крестьянские «картинки с натуры» свидетельствуют о том, что подобное возмущение было не напрасно: «В прошлое лето в воскресный день пошли двое мужиков из Верховья к обедне. Дорогой присели покурить. Один вместе с кисетом табаку вытащил и несколько карт. “Разве у тебя и карты взяты?” спросил его товарищ. “Прихватил на случай, думаю пригодятся”. — “Давай-ка перекинемся разок”, — пригласил товарищ. Тот согласился. Идет третий тоже присел, а за ним и четвертый. Сидят и играют. Народ от обедни идет, а они все продолжают играть. Так и проиграли до вечера не евши, не пивши» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 803, с. 18а).

Приведем и один пример проповеди, очень характерный для всевозможных народно-просветительских журналов и брошюр того времени, который также подтверждает мысль о том, что именно в церковной службе игроки видели «дополнительный ресурс времени» для карт: «Давних веков христиане, как скоро услышат звон, сейчас вставали и шли в церковь, а ныне есть много и таких, которые, пьянствуя до полуночи или же до зари, лучше смотрят на звонки, изображенные в картах, нежели слушают звонков, призывающих в церковь. Много есть таких, которые луч-

³⁰ Термин «прочка» был предложен в конце XIX века Н. Я. Никифоровским и означает временное «удаление» кого-либо из членов семьи «от семейно-жизнейских невзгод» и пребывание вне дома до окончания конфликта (см. Никифоровский 1899: 1–19).

ше спрашивают, сидя за картами, что там светит, нежели что в церкви святят» (Проповеди Антония... 1875: 446)³¹.

Кануны больших церковных праздников, часто являвшиеся отмеченным временем в народно-православной традиции, также могли использоваться «не по назначению»: «Зараза проникла и дальше <...> играют даже под такие праздники, как Крещение» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 732, с. 9а)³². И хотя из некоторых контекстов не ясно, о каком именно празднике идет речь, можно предположить, что поскольку игра в карты в принципе воспринималась как дело «не богоугодное», то это запрещение относилось, по крайней мере, к главным церковным праздникам: «Священник о. А., посетив по хозяйственному делу избу одной из своих прихожанок Анны Ивановой, застал там сборище молодых девиц, игравших в карты. Дело было вечером накануне праздника. Священник, прочитав им надлежащее внушение о греховности такого времяпровождения, взял карты и тут же их уничтожил, т. е. изорвал. “Ну грех, — говорили после этого девицы, — играть на праздник... а в другой раз не грех играть — все ведь играют... и у самого батюшки детки тоже в карты играют... Так зачем же было карты-то рвать? Карты-то чем виноваты?!” И девицы, конечно, были в данном случае правы» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1824, с. 27) (примечателен комментарий корреспондента!)³³.

³¹ Выражение «звонки, изображенные на картах» скорее всего употребляется в качестве риторического приема для создания параллелизма с «церковным звоном», а не относится, например, к обозначению карточных мастей. У нас есть только одно описание мастей, относящееся к малорусской этнографической традиции; из него следует, что крестьяне пользовались одним из наиболее распространенных типов карт: «Для игры употребляется колода 36 карт; масти называются: пики — выно, вынова масть; трефы — жыр или крести, жирова масть; бубны — звинка или бубна, бубнова масть; и черви — чырва, червова масть. Карты называются: шестерка, шестака, шестирка, семака, восьмака, дывьятка, дысятка, фыль — валет, краля — дама, король, туз» (Иванов 1907: 195–196).

³² Здесь можно вспомнить сюжет из фольклора соседней финской традиции: играющим в карты в субботу или накануне праздников является дьявол или его случайно узнают в одном из игроков (см. Jauhainen 1998, E 86, E 201, E 211).

³³ В современных полевых интервью также нередко присутствует мотив греховности карточной игры и борьбы с ней представителей церкви. Инф.: «И возьму — раз, карты. А нельзя, говорят, церковным брать» (ЕУ–тугаев–00; ПФ–1; ММ); Соб.: «А если просто играть в карты, а не гадать — это как?» Инф.: «Тоже... тоже нельзя, нельзя, нельзя. Это вот все от дьявола» (ЕУ–белозер–01, ПФ–04, ЕАП). В последнем случае местный священник велит информантке уничтожить карты («Батюшка-то сказал: “Сожги, это грех! <...> Играть грех и гадать грех”»), после чего ей несколько раз являлись «разочарованные» и рассерженные демоны, чью работу она выполняла, гадая и играя в карты («Если б я не сожгла карты, да... заговоры не сожгла — дак они бы мне и не показались!») (ЕУ–белозер–01, ПФ–11, ЕАП; ПФ–18; ЕАП). Интересно, что собственное объяснение информанткой ситуации запрета и его последствий вполне соотносится с народно-демонологическими представлениями о нечистой силе — притом что она считает себя человеком воцерковленным и даже является местной церковной активисткой.

Впрочем, оказывается, что и сами представители духовенства «имеют пристрастие к картам»: «О нашем духовенстве не только сельском, но и городском... говорят, что оно мало интересуется духовной литературой и устраняется от братского общения... Все же причина — карты. ...Свободное от исполнения пастырских обязанностей время посвящается картам. ...Собираясь друг у друга по каким-нибудь случаям, [они] не имеют охоты и возможности поделиться наблюдениями и сообща обсудить тот или другой вопрос, потому что опять-таки им некогда: раскидываются карточные столы и хозяин приглашает не терять драгоценного времени» (Церковный вестник, 1895, № 48; цит. по: Три язвы... 1895: 55).

Приведенные выше примеры дают основание утверждать, что карты проникают и в церковную сферу общественного быта, включая деревенский, и «заражают» как пастырей, так и «пасомых»³⁴.

Помимо распространения практики карточной игры «вширь» (повседневная, трудовая, церковная сферы), происходило ее внутреннее структурирование и постепенное превращение в институализированную практику. Следующий отрывок, который хотелось бы привести целиком, представляет собой наиболее яркий пример этого процесса. «Крестьяне деревни Талызиной, как только уберутся осенью с домашними работами, начинают играть в карты, для чего собираются в избу, называемую клубом, платят за свет (освещение) по 4 коп., за карты по 4 к., кроме же того за беспокойство хозяину 2 коп., который всю ночь не спит при этом, то одних впускает в избу, то других выпускает вон, то провожает на двор, боясь как-бы что не украли или же не заронили бы огня из трубки и не сделали-бы пожару: жену и детей мужик провожает еще с вечера куда-нибудь к соседям ночевать, говорит так: “Я один буду страждать, а то здесь в дыму задохнешься”. Мужики, пришедши с вечера, прежде всего отдают хозяину деньги за свет и за карты, затем раздеваются и разсаживаются за каждый стол по 8 человек; всех столов в избе четыре, которые поставлены во всю длину избы. Начинается игра... Кто выигрывает рубль, тот обязан на 20 коп. купить водки всем. ...В деревне три клуба. Каждый хозяин получает прибыли чистой не меньше 30 руб. за зиму» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1148, с. 1–3). Таким образом, регламентированными оказываются как временные, так и пространственные аспекты игры, каждый из участников (включая членов семьи «держателя клуба») подчиняется ее внутреннему распорядку, у них существуют определенные финансовые обязательства и т. п. Сходные, хотя и не столь подробные, примеры обнаруживаются и в других

³⁴ Как выяснилось в одной из наших недавних экспедиций, сейчас в карты могут играть даже в такой ритуально отмеченный период, как похоронно-поминальный, когда наиболее уместно думать о «божественном». Одна из наших информанток возмущенно восклицает по этому поводу: «Как [им] душа позволяет в карты на поминках играть?» (ЕУ–белозер–01; ПФ–19; АКЕ).

текстах (см., например, Огонек 1897: 3; АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 11, с. 46). Встречаются также указания на то, что в карты было принято играть ночью в банях, причем не обязательно ставя их хозяев в известность: «Прежде мужики в кабаках пьянствовали и в карты играли, а теперь надо баню искать... Теперь, как ночь, так все и идут в баню с водкой и картами, без согласия хозяина...» (Фаресов 1906: 48).

Вопреки ожиданиям, в наших материалах практически не оказалось примеров нарушения правил игры, в частности мотива шулерства — хотя, притом что крестьяне могли изготавливать карты самостоятельно или даже «пропитыва[ть] постным маслом, чтобы оне склище были, а тогда они меньше трепятыся» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1345, с. 39), оно было в высшей степени вероятным.

Возможно, отсутствие примеров карточного шулерства свидетельствует о недостатке у нас материала, а может быть, и о том, что авторы многих текстов, сами не будучи игроками, могли просто не знать об их существовании.

Институализацию практики обеспечивают в том числе и определенные обычаи, которые складываются у участников в процессе ее исполнения.

Возьмем пример того, как поступали с должниками и проигравшимися. «Если же кто... проиграет все, да еще не достанет кому-нибудь 5 коп. или 10 коп. отдать, те за то, что соглашаются ждать этот долг, заставляют его плясать до тех пор, пока уморится или, скорее сказать, упадет на пол, а у всех от смеха “животы заболят”, тогда его отпускают домой, говоря: “Теперь будешь крепко спать”» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1148, с. 1а). Или: [когда остается последний игрок, не подобравший себе «хлюст», то есть три карты одной масти, то кто-нибудь] «берет себе колоду карт, перетузовывает ее и начинает одной рукой проводить по краю колоды... так, что видны карты до половины. [Проигравший] смотрит и замечает какая карта ближе к краю. Когда заметит, то говорит, например: “Винновая краля, от низу!” Тогда все берут его за волосы, [а] держа[щий] карты... поднимает прямо первую карту от указанного места и говорит: “Король!” Тогда державшие его за волосы начинают его “валтузить”, а сами припевают: “Едет король по дороге!” Потом держащий карты поднимет следующую и говорит: “Холоп!” — Все опять дерут его за волосы и приговаривают: “Холоп за вухи волок!” На туза бывает следующий припев: “Туз по бору ходил, туз двух чижиков ловил. Обмахнулся, обрунулся [так] у голову клин!” На остальные карты припевов нет, а дерут только по разу за волосы... пока не дойдут до указанной карты» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 910, с. 6).

Всевозможные, часто позорящие и унижающие наказания проигравшим, по-видимому, представляют собой своеобразную «универсалию» азартной карточной игры. В определенных ситуациях они могут быть далеко не так невинны, как те, которые описаны в приведенных

выше примерах (см. о наказаниях у заключенных на Соловках: Лихачев 1993: 51–53)³⁵.

Подобные «припевки» являлись лишь элементом языка картежников как особой группы людей, объединенных «внутренней солидарностью». «Разнообразные картежные поговорки и шутки» (Лотман 1994: 146–147), возникающие в контексте карточной игры, были представлены как во «внутреннем» лексиконе, используемом деревенскими игроками друг с другом³⁶, так и в повседневной речи вообще. «В их обыденном языке много терминов, взятых из картежной игры. Отец, вместо того что бы назвать своего парнишка баловнем, говорит ему: “Экой ты хлюст какой!” Один парень рассказывает другому о драке: он меня ударил, а я помирил да с нашим, т. е. ответил на его удар да еще прибавил. Если в семье достался кому лучший кусок пирога, то хозяин говорит, что ему достался козырь» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 803, с. 186).

Картежный язык являлся важным фактором социализации детей в деревнях, где процветала карточная игра. «К картам так пристраиваются с малых лет, что не имеют сил отстать от этой страсти до глубокой старости» (Там же); «Любознательные малыши приглядываются к занятию отцев... И вот между детьми тоже начинается ожесточенная игра. Она происходит в огородах, в ригах или просто-на-просто в поле. Ребятишки неприхотливы: где бы ни сесть, лишь бы сыграть. Игра начинается с “четок”. Это простыя костяные пуговицы, которых дают на копейку десятков. У кого запас истощался, тот снова покупает у счастливаго товарища на трынку или на две» (Огонек 1897: 3). «Начиная с 15 лет» мальчики могли уже ходить вместе со взрослыми играть на всю ночь (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1148, с. 3).

Рассмотренные выше языковые и поведенческие конвенции, возникшие в контексте карточной игры, позволяют, на наш взгляд, говорить о складывании в отдельных деревенских обществах институциональной практики игры в карты и обычно-правовом способе ее регулирования. Особенности структуры этой практики позволяют применить к ее участникам *«focused gathering»*: *«A set of persons engrossed in a common flow of*

³⁵ Позорящие наказания были предусмотрены и в игре в орлянку, которая являлась второй главной азартной игрой в деревне. «Кто совсем проигрался, с того снимают шапки и кидают вверх и кричат: орёл! Причем общий смех раздается по всей деревне. Отцы за это детей ругают: “Я может-быть сто рублей должен, да с меня шапки не снимают, а обходятся почестнее, а ты до какого стыда дожил!”» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1148, с. 4). В данном примере используется как «универсальный» позорящий жест (снятие шапки), так и позорящее действие, семантизированное через название игры (проигравший становится «орлом», его шапка «летает»).

³⁶ Появление такого особого языка, своеобразного «профессионального арга» карточных игроков, также можно считать универсальным явлением; часть таких слов и выражений обычно помещалась во всевозможных пособиях по карточной игре (см., например, Шевляковский 1990: 146–159). См. также примеры языка картежников в: Лотман 1994: 160–161 и Лихачев 1993 *passim*.

activity and relating to one another in terms of that flow. Such gatherings meet and disperse; the participants in them fluctuate; the activity that focuses them is discrete — a particulate process that reoccurs rather than a continuous one that endures. They take their form from the situation that evokes them, the floor on which they are placed... but it is a form, and an articulate one, nonetheless» (Goffman 1961: 9–10, цит. по: Geertz 1973: 424)³⁷.

Несколько слов о гендерном аспекте игры. В абсолютном большинстве случаев играют исключительно мужчины³⁸, и, более того, игра происходит «за счет» женской части сообщества (домашнее воровство, пьянство картежников, отстранение от домашних работ и пр.)³⁹. Лишь в одном из текстов было упоминание о том, что проигравших «девушек за волосы не таскают, а бьют по разу за каждую карту по носу (картой)» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 901, с. 6). Неудивительно поэтому, что жены игроков нередко считали, что «карты хуже вина» (Захарова 1916: 36), и «всей душой ненавид[ели] [карточные] клубы» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1148, с. 3), а репутация парня как «игрока» могла учитываться во время свадебного сговора⁴⁰.

Если отношение женской части крестьянского населения к карточной игре достаточно очевидно, то реакция на нее официальных деревенских властей могла варьироваться, и очень значительно. С одной стороны,

³⁷ В связи с этим можно вспомнить примету, в которой карточная игра моделирует отношения между людьми: пока карты вместе — люди тоже солидарны, распадаются карты — наступает разлад у людей. «Если при игре в карты, карты у тасовщика выпадут из рук, то это значит будущую ссору» (Ефименко 1877: 174). Кроме того, создание игровой конфликтной ситуации, ограниченной пределами карточной игры, могло, вероятно, служить средством разрешения конфликтов, происходящих в «реальной» жизни (ярким примером, хотя и совершенно из другого контекста, может служить случай примирения, описанный у В. В. Сиповского) (Сиповский 1905: 168–169).

³⁸ Мантическое и игровое использование карт обычно отражает гендерную дифференциацию, ср.: «Cartomancy may be regarded as the female counterpart to card gaming, a predominantly male use of cards» (Wigzell 1998: 118).

³⁹ В крестьянском фольклоре можно встретить и тему «проигрыша» жены в карты, ср. [анекдот о повышении ставок]: «Один говорит: я мирю твой трешник, ставлю под тебя овечку. Другой ему отвечает: я с м и р и л твою овечку, ставлю жену на год (т. е. отдаю в работницы). Противник опять говорит: я мирю твою жену, ставлю корову. Анекдот показывает, что кипшеньжане, во 1-х, способны проигрывать жен, во 2-х, считают их дешевле коров» (Потанин 1899: 41). Термин «замирить» (или «помирить») означает выдвинуть ответную ставку и перебить ее более высокой (см. например, Фаресов 1906: 50–51). Сомнительно, однако, чтобы игра «на жен» действительно существовала в реальной практике, особенно если принять во внимание опять же экономическую значимость семейной структуры в крестьянском хозяйстве. Хотя личное имущество жен, видимо, могло быть ставкой в карточной игре их мужей, ср.: «страстные игроки... проигрывают даже одежду своих жен» (Захарова 1916: 36).

В связи с проигрышем самих жен можно вспомнить лишь пример, относящийся к «благородному обществу», — князя А. Н. Голицына, проигравшего свою жену графу Разумовскому (см. Лотман 1994: 137).

⁴⁰ В одной из свадебных песен невеста спрашивает брюзгу (то есть сватью), «каков жених — не пьёт ли вина, не играет ли в кости и карты» (Колобов 1915: 67).

карточная игра была потенциально менее опасной, чем орлянка, которая всегда велась на деньги; возможно, последняя несколько «отвлекала» внимание сельской полиции от карт. С другой стороны, местные власти не могли не знать или хотя бы не догадываться о размахе и характере внутريدеревенской карточной игры, которую, как азартную, им вменялось в обязанность преследовать. Тем не менее складывается впечатление, что игра существовала, и вполне успешно. Чем это можно объяснить?

Во-первых, сами картежники могли изобретать способы избежать преследования. Когда шла «настоящая» игра, чтобы не «накр[ыл]» урядник или еще кто-нибудь из сельских властей... при входе в хату, даже на концах улицы ставятся караульные. Бдительная стража при первой же опасности готова со всех сторон бежать и предупреждать своих товарищей о надвигающейся угрозе» (Огонек 1897: 3). Игра, иными словами, могла обрести «дочерними практиками», обеспечивающими ее возможность.

Во-вторых, сельские власти, и в частности сельский староста, «тот же крестьянин и из той же деревни», мог закрывать глаза на карточную игру из-за боязни мести со стороны игроков. В одном случае староста, «не сме[я] посадить игроков... просил земсаго, чтобы тот произвел аресты. Арестованные не один раз добирались у писаря и старшины, — кто на них донес, за кого им Бога молить, кого благодарить. И можно быть уверенным “что они отомстят”, когда узнают, кто был причиной их ареста» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 803, с. 186). В уже упоминавшемся выше случае ночной игры в чужих банях их хозяева не решались мешать игрокам из боязни, что «мальцы и баню сожгут» (Фаресов 1906: 48).

Это очень напоминает то, как крестьяне могли относиться к удачливому деревенскому вору, — с таковым по вполне понятным причинам не только предпочитали не иметь неприятностей, но и, по сути дела, защищали его, не выдавая властям. А вор, в свою очередь, мог не прилагать особых усилий к тому, чтобы скрывать свой промысел (более подробно см. Кушкова 2002).

Эти два примера показывают, каким образом распределялась в деревне реальная, то есть неформальная, власть и почему в ней могли успешно существовать такие запрещенные / опасные социальные практики, как азартная карточная игра или воровство.

В-третьих, карточная игра процветала потому, что представители деревенской власти сами могли не только быть игроками, но и держать своеобразную монополию карточной игры. «О преследованиях денежной карточной игры не слышно, да и кому преследовать, когда само начальство во главе карточной игры» (АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 11, с. 46–5а); [жены игроков хотели бы донести на карточные клубы], «но донести никак нельзя, потому что эти клубы посещают все волостные писаря и старшина»; «...остальные два клуба содержат тоже близкие родные старшины» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1148. С. 3–4). Понятно, что на каждое

начальство найдется свое начальство, но тогда мог включаться все тот же механизм предупреждения: «...еще не приезжал урядник, а им (то есть родным старшины. — А. К.) уже дают знать, и в этом (клубе. — А. К.) игры нет, или даже около окон поставят караульный и еще другой недалеко от волости, который свистком должен подать знак, а тот передает хозяину, и игра в клубе прекращается» (Там же: 4). Таким образом проявлялась, притом на различных уровнях, одна из важных характеристик институализованной практики — внутренняя солидарность против тех, кто мог помешать ее осуществлению.

Участие в карточной игре сельского начальства еще раз подтверждает сделанный ранее вывод об «элитном» характере этой практики и, как следствие, о негласном ей попустительстве. Похоже, что в городе невозможность полного запрещения азартной карточной игры объяснялась иными причинами, и в первую очередь высокой доходностью от продажи карт, которые принято было сменять на каждой игре⁴¹.

Различие это наводит на размышление о том, что, скорее всего, по отношению ко многим социальнежелательным или потенциально опасным практикам осуществлялась определенная политика регулирования: их не отменяли совсем, но и терпимы они были лишь в тех рамках или в том объеме, пока они могли быть сдерживаемы «сверху» и не представляли непосредственной угрозы всему обществу. В частности, как нам кажется, такова была ситуация с деревенской ссорой, которую до определенного момента (например, если она не покидала пределы семьи) вообще пытались «не замечать». Все это, однако, является проблемой для отдельного исследования.

Итак, в данной работе мы сделали попытку рассмотреть наиболее значимые моменты, связанные с карточной игрой в деревне второй половины XIX века. Одной из наших задач было представить оригинальные и малоизвестные тексты, ей посвященные. На наш взгляд, нам удалось продемонстрировать несостоятельность утверждения о том, что крестьянам незнакома была азартная карточная игра. В справедливости этого вывода убеждает не только сложная структура самой описанной выше игры, но и наличие тех социальных практик, которые складывались вокруг нее в крестьянском сообществе.

Литература

- Архангельский 1854: *Архангельский А.*, священник. Село Давшино Ярославской губ., Пошехонского у. // Этнографический сборник ИРГО. Собрание местных этнографических описаний России. СПб., 1854. Вып. 2. С. 1–81.
- Афанасьев 1995: *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в свя-

⁴¹ См. расчет денежного оборота «...едва ли кому известного клуба» за один год его существования: Выручка от продажи карт в клубе 1877: 2.

- зи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. М.: Современный писатель, 1995. Т. 2. 400 с.
- Брокгауз, Ефрон 1890: *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь: В 86 т. СПб.: ПОЛРАДИС, 1890. Т. 1; 1895. Т. 16 А.
- В. М-ий. 1898: *М-ий В.* Как нужно смотреть на гадания по игральным картам? // Пастырский собеседник. 1898. Суббота, 3 января. С. 13–14.
- Весин 1887: *Весин Л. П.* Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело. 1887. Май. № 5. Кн. 2. Гл. 3, 4, 5. С. 161–205.
- Виноградов 1923: *Виноградов Г. С.* Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири. Иркутск: Типография губ. ВПО, 1923. 90 с.
- Выручка от продажи карт в клубе 1877: *Выручка от продажи карт в клубе* // Пензенские губернские ведомости. 1877. № 7. Суббота, 15 января. С. 2.
- Высек пламя Илмаринен 2000: *Высек пламя Илмаринен*: Антология финского фольклора / Сост. Э. Г. Рахимова. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
- Вятский фольклор 1996: *Вятский фольклор*. Мифология. Котельнич: Вятский региональный центр русской культуры, 1996. 119 с.
- Головин 1887: *Головин К.* Сельская община в литературе и действительности. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1887. 262 с.
- Даль 1998: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Ред. А. И. Бодуэн де Куртенэ. М.: Терра, 1998.
- Еделево... 1891: *Русско-мордовско-татарский* приход села Еделева Сергачского уезда // Нижегородские губернские ведомости. 1891. № 35. Среда, 28 августа. С. 3–4.
- Ефименко 1877: *Ефименко П. С.* Нравы, верования, суеверия, гадания, приметы // Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименком. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта. Гл. 7. М., 1877. С. 160–196 (Труды этнографического отдела ИОЛЕАЭ; Кн. 5).
- Жбанков 1891: *Жбанков Д. Н.* Бабыя сторона. Статистико-этнографический очерк. Кострома: Губ. типография, 1891. 137 с.
- Загадки, приветствия... 1903: *Загадки, приветствия при встрече, шутки и остроуты* крестьян Вологодской губ. // Живая старина. 1903. Вып. 4. С. 482–488.
- Захарова 1916: *Захарова Л.* Влияние трезвости на жизнь костромской деревни // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 5: Костромская деревня в первое время войны. Кострома, 1916. С. 27–43.
- Зеленин 1997: *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Пермской губернии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 584 с.
- Златовратский 1897: *Златовратский Н. Н.* Устои: История одной деревни: Роман: В 4 ч. Изд. 3-е, доп. М.: Типолитография т-ва И. Н. Кушнарев и К., 1897. Ч. 2. 414 с.
- Зотов 1886: *Зотов Вл.* История карточной игры // Новь. 1886. № 12. С. 357–370; № 13. С. 1–19.
- Иванов 1890: *Иванов П.* Народные рассказы о ведьмах и упырях (материалы для характеристики мирозозерцания крестьянского населения

- Купянского уезда) // Сборник Харьковского историко-филологического об-ва. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. Харьков, 1890. Т. 2. Вып. 2. С. 156–228.
- Иванов 1907: *Иванов П. В.* Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда, Харьковской губернии // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1907. Вып. 17. 229 с.
- Игра и страсть... 1999: *Игра* и страсть в русском изобразительном искусстве. СПб.: Palace Editions, 1999. 362 с.
- Колобов 1915: *Колобов И. В.* Русская свадьба Олонецкой губ., Пудожского уезда, Корбозерской волости // Живая Старина. 1915. Вып. 1–2. С. 21–90.
- Корреспонденции «Калужск. вест.» 1897: *Корреспонденции* «Калужск. вест.» // Калужский вестник. 1897. № 97. Четверг, 8 мая. С. 3.
- Кушкова 2002: *Кушкова А.* Деревенское воровство: социальный контекст и народная юридическая традиция (по материалам второй половины XIX в.) (в печати).
- Лихачев 1993: *Лихачев Д.* Картежные игры уголовников // Статьи ранних лет. Тверь: Тверское обл. отд-ние Рос. фонда культуры, 1993. С. 45–54.
- Лотман 1994: *Лотман Ю. М.* Карточная игра // Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XIX века). СПб.: Искусство–СПб., 1994. С. 136–164.
- Никифоровский 1899: *Никифоровский Н. Я.* Очерки Витебской Белоруссии. VII. Сбязи, прочки, вонки, уходы // Этнографическое обозрение. 1899. № 1–2. С. 1–19.
- О карточной игре 1898: *О карточной* игре (без автора) // Пастырский собеседник. 1898. № 36. Суббота, 5 сентября. С. 540–542.
- Огонек 1897: *Огонек.* Азартные игры в деревне // Калужский вестник. 1897. № 95. Воскресенье, 4 мая. С. 3.
- Парчевский 1998: *Парчевский Г. Ф.* Карты и картежники. Панорама столичной жизни. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 1998. 256 с.
- Потанин 1899: *Потанин*, гр. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы // Живая старина. 1899. Вып. 1. С. 23–60.
- Проповеди Антония... 1875: *Проповеди* Антония Радивиловского // Руководство для сельских пастырей (1860–1917 гг.). 1875. Т. 2. № 32. С. 432–452.
- Семенов 1915: *Семенов С. Т.* Двадцать пять лет в деревне. Пг.: Жизнь и знание, 1915. 421 с.
- Старый курган 1900: *Старый* курган (рассказ) // Пастырский собеседник. 1900. № 27. С. 412.
- Сиповский 1905: *Александр*, российский дворянинъ: Русские повести XVII–XVIII вв. / Под ред. В. В. Сиповского. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1905. 307 с.
- Три язвы... 1895: *Три* язвы, разьедающие общественное благосостояние (из Тул. епарх. вед.) // Пастырский собеседник. 1895. № 3. Суббота, 21 января. С. 53–55.

- Ту-Эсь. 1910: *Ту-Эсь*. Деревенские картинки. Молодежь // Деревенская газета. 1910. Пятница. 12 февраля. С. 3–4.
- Фаресов 1906: *Фаресов А. И.* Мужики и начальство. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1906. 287 с.
- Харламов 1904: *Харламов М. А.* Суеверия, поверья, приметы и заговоры, собранные в г. Майкопе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1904. Вып. 34. Отдел 3. С. 1–124.
- Шевляковский 1990: *Шевляковский М.* Винт. Коммерческие игры. Вист, преферанс, пикет, стуколка, макао, баккара, рамс, польский банчек, семерик, шестьдесят шесть, тринадцать, девятый вал, виктория, наполеон, дрейфус, терц и др. Полное собрание практических советов, законов и правил с приложением карточной терминологии / Сост. М. Шевляковский. Под ред. А. Голубева. М.: Сов. фонд культуры. Центр традиц. культуры, 1990. По изд.: СПб., 1914. 160 с.
- Щепанская 1995: *Щепанская Т. Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110–177.
- Энгельгардт 1999: *Энгельгардт А. Н.* Из деревни: 12 писем 1872–1887 / Ред. А. В. Тихонова. СПб.: Наука, 1999. 715 с.
- Bourdieu 1976: *Bourdieu P.* Marriage Strategies as Strategies of Social Reproduction // Family and Society. Selections from the Annales. Economies, Societies, Civilisations / Ed. by Robert Forster and Orest Ranum. Baltimore; London, 1976. P. 117–144.
- Geertz 1973: *Geertz C.* 'Deep play: notes on the Balinese cockfight'. The interpretation of cultures: selected essays. New York: Basic Books, 1973. P. 412–453.
- Goffman 1961: *Goffman E.* Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction. Indianapolis: The Bobbs-Merrill Company, 1961.
- Fontaine and Schlumbohm 2000: *Fontaine L., Schlumbohm J.* Household Strategies for Survival: An Introduction // Household Strategies for Survival, 1600–2000: Fission, Faction and Cooperation. Cambridge, 2000. P. 1–17 (International Review of Social History, Supplement 8).
- Jauhiainen 1998: *The Type and Motif Index of Finnish Belief Legends and Memorates / Revised and enlarged edition of Lauri Simonsuuri's Typen- und motivverzeichnis der finnischen mythischen Sagen.* Helsinki, 1998. 362 p. (FF Communication. No. 267).
- Wigzell 1998: *Wigzell F.* Reading Russian Fortunes. Print Culture, Gender and Divination in Russia from 1765. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 253 p.

Архивные источники

- АКАН — Архив Карельской академии наук, кол. 21, ед. хр. 115; Пудожский р-н; запись 1961 года.
- АРЭМ — Архив Российского этнографического музея, ф. № 7 (В. Н. Тенишева), оп. 1, д. 11. Владимирская губ., Владимирский у. Со-

колов М., 1899; д. 295, Вологодская губ., Никольский у. Крупнов П., 1899; д. 299, Вологодская губ., Никольский у. Кузнецов Я., 1899; д. 551, Калужская губ., Мещовский у. Григорьев И., 1900; д. 732, Новгородская губ., Тихвинский у. Ершов Д., 1899; д. 803, Новгородская губ., Череповецкий у. Антипов В., 1899; д. 908, Орловская губ., Болховский у. Костин Ф., 1898; д. 910, Орловская губ., Болховский у. Костин Ф., 1898; д. 980, Орловская губ., Дмитровский у. Гришин С., 1898; д. 1148, Орловская губ., Орловский у. Михеева А., 1898; д. 1277, Орловская губ. (Орловский вестник, 1882, № 190); д. 1345, Пензенская губ., Краснослободский у. Боголюбов И. 1898; д. 1824, Ярославская губ., Романово-Борисоглебский у. Балов А., 1899.

В работе также использованы полевые материалы экспедиций Европейского университета в Санкт-Петербурге в 1997, 2000 и 2001 годов: ЕУ-хвойн-97 (Хвойнинский р-н Новгородской обл., 1997), ЕУ-яросл-00 (Тутаевский р-н Ярославской обл., 2000) и ЕУ-белозер-01 (Белозерский р-н Вологодской обл., 2001).

Список сокращений

- АРЭМ — Архив Российского этнографического музея
ИОЛЕАЭ — Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИРГО — Императорское Русское географическое общество
МАЭ — Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера)
FF — Folklore Fellows